

## Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг.

До 15.000.000 русских граждан, оторванные от своих очагов, переодетые в серые солдатские шинели, жили в течение 4 лет необычными интересами, отдавали свою кровь и здоровье, работая над разрешением задач, приковывавших в мирное время внимание немногих специалистов,—преимущественно генштаба.

За их спиной весь 180 миллионный русский народ чувствовал себя выбитым из будничной колеи. Привлеченный к новым отраслям труда, он вырабатывал бесчисленное количество требуемых предметов снаряжения, боролся с растущей дороговизной и голодом, выносил бедствия эвакуации и наплыва беженцев, посылал в действующую армию безконечные маршевые роты, табуны лошадей, гурты скота.

Непосредственно ощущаемые результаты войны—перестройка карты Европы и ее колоний, экономический кризис, революция в России, Австро-Венгрии и Германии, изменившие основы их государственности. Но и в тех государствах—романской и особенно англо-саксонской рас, строй которых пока выдерживает связанные с войной потрясения, произошли глубокие изменения взглядов на право и целесообразность вмешательства государства в частную деятельность его граждан, на организацию и координирование всех производительных сил страны, на право государства стеснять свободу граждан и требовать от них жертв имуществом и кровью.

Глубокие социальные изменения, вызванные всемирной войной, явятся объектом изучения, организуемого социалистической академией. Предсказания политико-экономистов, начиная с Блюха, не предвидевших возможности для государств капиталистического строя развивать многолетние напряжения, связанные с войной, оказались несостоятельными, и необходимо тщательное изучение социальных явлений, связанных со всемирной войной, для возможности новой постановки диагноза о



силе и способности государств, находящихся на различных ступенях промышленного развития, к упорной войне.

Военное ведомство в лице своего исторического органа, стоит перед другой стороной в изучении всемирной войны. Все тактическое развитие армий в ближайшие десятилетия будет базироваться на толковании опыта войны. Необходимо сделать из него правильные выводы для организации, обучения и введения в бой вновь создаваемой вооруженной силы. Армии всех капиталистических государств выделяют для этой задачи все свои лучшие технические силы, так как она требует сложной и напряженной работы. Опыт франко-австрийской войны 1859 года был изучен в Германии через три года, вследствие личного руководства Мольтке историческими работами. По опыту войны 1870 года Германия успела только в 1888 году перестроить уставы в соответствии с тактикой заряжаемого с казны оружия.

Нужна тщательная критическая работа, чтобы не пойти по ложному пути, чтобы не дать ошибочных обобщений, примером коих назовем—у американцев, после войны Севера с Югом, выводы о невозможности наступать на линию окопов, занятую шеренгой стрелков,—у англичан, после войны с бурами, о невозможности вообще фронтального наступления,—и у русских, из успешной обороны Порт-Артура в 1904 году, о возможности длительного сопротивления изолированной крепости в европейской войне.

Всемирная война выдвинула новые формы стратегии: протянулись на тысячи верст неизвестные до того широкие фронты, показались армии, возрождающиеся в короткое время после самых тяжелых неудач; преследование вне поля сражения потеряло свою силу; по ограниченности цели отдельных операций мы как бы переселились вновь в XVIII век. Современный пехотный полк занимает больший участок поля сражения, чем вся армия Наполеона под Бородиным, и располагает более совершенным и сложным аппаратом связи. Управление войсками предъявляет к начальникам новые, весьма повышенные требования. Переброски войск во время боя по железным дорогам и на автомобилях обратились в нормальное явление, резервы разместились в вагонах и у железнодорожных узлов, и мысль Мольтке, что ошибки в первоначальном развертывании являются неустраняемыми в дальнейшем ходе войны,—уже устарела.

Тактика, считающаяся с новым масштабом времени и пространства боев, получила в свое распоряжение невиданные технические средства для создания крепкого фронта перед



неприятелем и для прорыва неприятельских позиций. В полевых боях выпускается такое количество боевых припасов, применяется так широко лопата и технические части, как раньше это казалось мыслимым только при осаде крепостей. Бой идет в отравленной газами атмосфере, с борющимися над батареями за господство на воздухе эскадрильями аэропланов, на поле сражения, окутанном телефонными проводами, при ежеминутной возможности столкновения с танками и бронированными автомобилями—и необходимо глубокое изучение новых условий ведения боя, что бы извлечь всю возможную пользу из имеющихся средств, из готовности войск на самопожертвование, и восторжествовать над волей врага.

Всемирная война на одном русском фронте занесла в летопись военной истории многие сотни боев, из которых каждый, по количеству участников и пролитой крови, в предшествующую эпоху получил бы название сражения и привлек бы к себе большое внимание. Миллионы дел штабов и войсковых частей, разбросанные по архивам и большей частью еще не систематизированные, заключают в себе документы, по которым военный историк может осветить фактическую сторону событий и написать для войск интересные и поучительные страницы. Это богатство архивного материала ставит перед Комиссией по исследованию опыта войны вопрос—с чего начать и в каком направлении вести работы?

Наиболее поучительными являются те боевые события, которые потребовали от войск крайних напряжений, где мы можем наблюдать в наиболее полной форме назревание и разрешение кризиса боя. Это—как раз те крупные операции, в которых наши войска, умело руководимые, героически приносили все требуемые от них жертвы и добивались поставленных задач, или же вследствие безтолкового управления, недостатков в организации и снабжении, оказывались в катастрофическом положении. Исследование опыта войны, без изучения и освещения фактической стороны этих основных крупных операций, невозможно. Мелкие частные вопросы военного искусства, рецептурная сторона военного дела, по которой многие ожидают от Комиссии немедленных и точных указаний, разрешатся сами собой, когда будет пролит свет над основными операциями войны, и будут решены в стройной системе. Все попытки переиздания уставов, до уяснения себе, в широком масштабе, смысла и значения той эволюции, которую пережило военное искусство во время войны, будут разбиваться вследствие отсутствия единого тактического мировоззрения.



Те самые утилитарные задачи, которым призвана служить Комиссия, влекут ее к затрате усилий на описание и исследование важнейших военных операций. К этому влечет нас и другое соображение: каково бы ни было отношение народа к минувшей войне, он должен внимательно отнестись к усилиям, упорству, самоотвержению и памяти тех, которые не считая, усеяли своими скромными могилками нашу западную окраину. Постановка им памятника, в виде официальной истории войны, неизбежна для всякого правительства, продолжающегося нуждаться в вооруженной силе и вновь призывающего народ к жертвам. Военская доблесть нуждается в культе и культ воинской доблести необходим, чтобы одерживать победы. Французская революция стала великой потому, что не только не подавила воинственные качества французского народа, но девизом свободы, равенства и братства раздула в засиявший на весь мир костер искру военных традиций Тюрена. Швейцарская республика располагает в своей милиции надежной армией потому, что в швейцарском народе военная доблесть пользуется глубоким уважением; в этом самом свободном народе сильны военные традиции, сильна память о подвигах тех швейцарских солдат, которые в течение столетий составляли отборное ядро, гвардию многих государств. Заграничная печать — и не только немецкая, но и союзническая, стремится уже исказить смысл событий прошлой войны, умалить в ней сыгранную Россией роль, создать о русской армии и русском солдате ложное представление — и это является одним из звеньев политики, стремящейся к балканизации, раздроблению России. В настоящий момент, когда всякому самоопределению народов открыта широкая дорога, память об общем величественном историческом прошлом особенно дорога, как цемент, связывающий нас в одно целое.

Таким образом, утилитарные и пиетические требования, стоящие перед Комиссией по исследованию опыта всемирной войны, совпадают во всех частях, и заставляют ее начертать следующий план работ. Прежде всего необходимо обработать краткий очерк всей войны, для потребностей широких кругов армии и народа, который в то же время служил бы канвой для последующих работ Комиссии. На эту работу уже привлечена половина работников Комиссии. Одновременно разрабатывается ряд монографий по отдельным крупным операциям: Томашевская операция, как тип современного встречного боя; 4 армия в Галицийской битве, каковое описание дает картину армии, неудачно завязавшей сражение, расстроенной и принужденной



к отходу, и затем, под новым осторожным и разумным управлением, усиленной резервами, успешно отстаивающей Люблин и в том же сражении переходящей в победоносное наступление; бои на Золочевских высотах и Гнилой Липе, в которых русские войска используют свой численный и моральный перевес над австрийцами для безостановочного наступления к Львову; первое наступление генерала Ренненкампа в Восточную Пруссию—как исполнение наших договорных обязанностей по отношению к Франции, вписавшее блестящие страницы в работу нашей пехоты и артиллерии и выяснившее банкротство нашей конницы, неподготовленной к современной оперативной работе, и недопустимую эгоистичность стратегии вождя 1 армии; Самсоновская катастрофа—постигшая армию, не имевшую крепкой спайки, со сборными, неокрепшими штабами, с управлением, упорствующем в своих ошибках; Лодзинская операция, как период наибольшего нашего нажима на Германию, заставившего ее прервать битву на Изере, отказаться на полтора года от наступательных действий во Франции и повернуться против нас главными силами; Луцкий прорыв—как образец атаки и разгрома неприятельского фронта, стоящий по энергии и исполнению много выше одновременных атак французов и англичан на Сомме; наконец наступление в июне—июле 1917 года, так форсированное Керенским, вопреки состояния нашей армии и отозвавшееся на ней столь болезненно; Рижская операция в августе того же года, на которую не только в широких кругах, но и среди руководителей армии не установилось еще определенного взгляда.

Особое положение от этих монографий, намечающих первую очередь подлежащих исследованию военных операций, ставит другой ряд исследований, также уже начатых Комиссией. Поучительная история франко-русской и других военных конвенций, в связи с обменом мнений между верховным командованием армий согласия и происходившими в Париже, Шантильи и Риме конференциями, будет изложена в оценке давления союзной стратегии на наши операции. Исследование снабжения—его состояния к началу войны, предъявленных армиями во время ее требований и мобилизация нашего тыла, будет составлено виднейшими работниками по артиллерийскому, интендантскому и инженерному снабжению. Наконец, целый ряд вопросов военного искусства, по вопросам маневренного боя, борьбы за укрепленные позиции, эволюций артиллерийской и инженерной техники, употребления самостоятельной и дивизионной конницы, также намечен, как первоочередная работа.



Разрабатывая, таким образом, параллельно, две серии монографий, из коих одна посвящена истории войны в тесном смысле, другая—исследованию подготовки к войне, организации тыла и вопросам военного искусства, Комиссия будет периодически издавать и отдельные сборники трудов, в которых будут заключаться как освещение запросов по военному искусству, выдвигаемых в армии, так и изложение коротких, поучительных боевых эпизодов, на которые натапливаются сотрудники Комиссии в архивах, при выполнении порученных им работ. Сборник будет печатать отзывы о военной литературе, посвященной разработке истории войны, интереснейшие письма и дневники участников войны. Первым является дневник очень достойного русского солдата, рабочего Путиловского завода, Штукатурова, печатание которого начато в настоящем сборнике.

Велика программа трудов Комиссии; трудна обстановка работы, состояние архивов войны только начинает проясняться из хаоса, в который они были повергнуты эвакуациями и беспорядочной свалкой их в едва мыслимые для архива помещения. Но все сотрудники Комиссии принялись за работу в твердой уверенности в том, что они призваны к большому делу и что вся масса участников всемирной войны, все потерявшие в ней дорогих людей и чтущие их память,—будут друзьями Комиссии и помогут ей в ее трудном деле—и присылкой писем, документов, оказавшихся у них случайно дел, давая Комиссии правдивые указания о минувших боях, и откликаясь в печати на работы Комиссии, внося в нее свои поправки, критикуя хотя бы сурово, но не во осуждение, а с целью направить работу на верный путь.

Прусскому генеральному штабу, приступившему к составлению истории войны 1870—1871 гг., приходилось считаться с репутациями дутых героев войны, вроде принца Фридриха-Карла, и надо было опасаться развенчать их в глазах Германии. Поэтому явился завет Мольтке: „правду, только, правду, но не всю правду.“ Нашим же девизом будет—правда, только правда и вся правда.—Истинных героев и мучеников всемирной войны эта правда не развенчает и память их не оскорбит.

*А. Свечин.*